

«Голубой крейсер»

Сергей Николаев

Он вошел в строй в предвоенные годы. Он привлекал к себе особое внимание. Им нельзя было не любоваться. Слегка откиннутые назад мачты и трубы, острый форштевень и «зализанные» обводы высокого полубака — все это словно подчеркивало стремительность корабля, говорило о скорости хода. А возвышающиеся над палубой орудийные башни и торпедные аппараты давали представление о его ударной мощи, свидетельствовали, что он создан для активного морского боя. Словом, это было выразительное сочетание быстроты и силы. И с общим обликом корабля удивительно гармонировала не совсем обычная окраска его бортов и палубных надстроек — не просто серо-стальная, «шаровая», как у других, а с голубоватым оттенком. Она придавала кораблю нарядный, несколько щеголеватый вид, который всегда радует глаз моряка. «Голубой крейсер» — прозвали новый корабль...

Так начинается свой рассказ о героическом лидере «Ташкент» его командир в тяжчайшую пору войны капитан 3-го ранга, а впоследствии, в послевоенные годы, контр-адмирал Василий Ерошенко. На долю этого славного корабля выпали нелегкие испытания. В дни обороны Севастополя ему довелось ходить огненными рейсами — в помощь и поддержку городу-герою, и каждый такой рейс давался с боем, в схватках с вражеской авиацией и торпедными катерами, в предельном напряжении боевой техники, машин и людей... «Внимание! Голубой крейсер идет в Севастополь!» Такие донесения передавали весной и летом 1942 года на свои аэродромы немецкие самолеты-разведчики. И десятки «юнкеров» поднимались в воздух, чтобы перехватить наш корабль. Но ничто не могло помешать «голубому крейсеру» вновь и вновь прорываться в осажденный Севастополь.

Шел уже двести сорок второй день Севастопольской обороны — 26 июня 1942 года. С утра не затихала канонада, город встречал врага штыковыми контратаками, бился врукопашную. Около шести вечера со стороны моря послышался гул бомбардировщиков. Эскадрилья Ю-88 шла на Севастополь плотными рядами. Пять «юнкеров» отделились от общего строя и пошли

в направлении Исторического бульвара. Началась прицельная бомбежка. Одна за другой вражеские машины пикировали на панораму «Оборона Севастополя», сбрасывали фугасные бомбы и зажигалки, пока из окутавших здание черных клубов дыма не вырвалось пламя.

Это не был бой, это было очередное зверство войны. Знаменитая панорама была гордостью города и по праву считалась выдающимся творением мировой батальной живописи. Она помещалась в специально выстроенном здании на Историческом бульваре. Гитлеровское командование, разумеется, прекрасно знало, что это за здание: величественную широкую башню, поднимающуюся над зеленью бульвара, нельзя было спутать ни с чем. В тот день прекрасный памятник искусства стал объектом целенаправленной атаки фашистских бомбардировщиков.

Находившиеся поблизости моряки бросились спасать севастопольскую реликвию. Вместе с курсантами военно-морского училища в огонь кинулся художник Дома флота старшина Семен Аннопольский — имя его сохранилось в памяти о том горьком дне. Гигантский холст панорамы ножами резался на куски, части холста свертывались в рулоны и выносились из здания, охваченного огнем. Матрос Мещеряков привязался к балке на потолке и передвигался по кругу панорамы, освобождая холст от верхнего кольца подвески.

На холсте от высокой температуры местами вздулась краска. Огонь с разных сторон охватывал полотно. Горящие головни и балки падали на людей, обжигали лица. Жар был такой, что загоралась одежда. Два курсанта вынесли дымящиеся портреты автора панорамы Рубо и его помощников — художников Грекова и Авилова. Выбегавших на улицу обливали водой, и они снова бросались в огонь.

Несколько часов шло спасение знаменитой панорамы «Оборона Севастополя». Моряки понимали, что спасали не только произведение искусства, но славу русского флота, свидетельство воинской чести России, историю — она не могла сгореть в огне. Все восемьдесят шесть кусков панорамы, снятые со стен, осторожно скатали

В последний поход

в рулоны, обернули матросскими одеялами. Семен Аннопольский писал на тюках: «Севастопольская панорама. Получатель — Академия художеств».

В тот же день к вечеру был получен приказ командующего флотом вице-адмирала Октябрьского: «К 2. 00 подготовить отправку панорамы. Капитану 3-го ранга Ерошенко принять на борт панораму для отправки на Большую землю».

Около полуночи лидер «Ташкент» с погашенными огнями вошел в Камышовую бухту. В полной темноте на борт приняли детей, раненых и женщин. В это время по дороге в бухту мчались грузовики с панорамой. Каждая минута была на счету. Едва перенесли последний тюк, «Ташкент» отвалил от причала — короткая июньская ночь близилась к концу.

В своей книге «Лидер «Ташкент» Василий Николаевич Ерошенко рассказывает:

«Яснее, чем при любом из прежних прорывов, все на «Ташкенте» отдавали себе отчет, что враг, не сумевший потопить корабль на пути в Севастополь, будет еще яростнее добиваться нашей гибели во время обратного рейса. Но, сознавая, что «Ташкент» ждут новые грозные испытания, мы в это утро 27 июня еще сильнее, чем когда-либо прежде, верили в свой корабль, выдержавший уже столько вражеских ударов...»

И далее он рассказывает. В 4 часа 15 минут в первый раз по выходе из Камышовой сыграли тревогу: показался неприятельский самолет-разведчик. Максимум через час, а скорее и раньше, следовало ожидать появления бомбардировщиков. Подчинясь внезапному побуждению, навеянному общей обстановкой, он, командир, попросил вестового принести из каюты новый китель с орденом, который обычно не носил на корабле. Глядя на командира, все, кто был на ходовом мостике, тоже спус-

тились к себе в каюты и переоделись в выходные кителя. А следом и вахтенные сигнальщики стали одни за другим просить разрешения подмениться на пять минут. На мостик они возвращались в выходном обмундировании «первого срока». Когда около пяти утра снова загремели колокола тревоги, на боевых постах уже все были в «первом сроке». Экипаж «Ташкента» отдавал дань вековой традиции русских моряков — идя в решительный бой, одеваться, как на парад. А что бой предстоял решительный, никто не сомневался.

За первой парой «юнкеров» шла с небольшим интервалом вторая. За ней — третья, четвертая, пятая... Этой цепочке, растянувшейся по светлому утреннему небу, не видно было конца. Такого еще не встречали.

Первая пара Ю-88 с ревом идет в пике. И накануне корабль атаковали пикировщики. Но после каждого удара наступала какая-то пауза. Теперь пауз не было. Едва одна пара машин выходила из пике, начинала пикировать другая. И перед нанесением удара каждая пара расходится, чтобы атаковать корабль с обоих бортов. Не давать ни секунды передышки — расчет на то, что корабль не успеет перенести огонь на новые цели и уклониться от непрерывного каскада бомб.

Иступленно били зенитные автоматы. Один, другой «юнкерс» врезаются в воду. На палубе и на мостике все мокры с головы до ног. «Ташкент», выписывая сложные зигзаги, часто проносится там, где только что упала бомба. Оседающие всплески так плотны, что порой корабль будто врежется в водяную стену. Кажется, ты куда-то нырнул и вот-вот задохнешься. Но вода спадает, и командир торопливо ищет в небе ближайший самолет, начинает новую крутую циркуляцию...

Просто все это пересказывать, но никакой пересказ не представит вам бой. Есть вещи, которые нельзя ни изобразить, ни передать словами, — и это будет бой, который вел тогда «Ташкент»...

Враг видит, что корабль движется уже не так, как прежде, и пикировщики атакуют все более остервенело. От одной серии ударов «Ташкент» не успевает отвернуть, и две крупные бомбы падают близко слева и справа по носу. Слышно, как ударяются о корабельную сталь осколки. Корабль уже получил немало пробоин. С затопленными отсеками, с заклиненным рулем «Ташкент» продолжает бой... И все-таки он дошел до причальной стенки в Новороссийске — израненный, принявший в носовые отсеки более тысячи тонн воды, утеревший способность маневрировать, истративший боезапас зенитных батарей.

Ценнейший груз — Севастопольская панорама — был доставлен в порт назначения.

А в полдень 2 июля тридцать «юнкерсов» скрытно подобрался к порту и два прямых попадания тяжелых авиабомб оказались для «Ташкента» роковыми. Враг, не справившийся с мужественным кораблем в бою, в открытом море, нанес ему смертельный удар у причала. Так погиб «голубой крейсер», и память о нем осталась на Черном море.

Но — смертию смерть поправ!.. Осталась жить панорама, осталась как память о легендарном корабле.

Из Новороссийска тюки, завернутые в матросские одеяла, увезли в Кустанай, где уже находились фонды Исторического музея. В это время в Москве шла работа над восстановлением плафона в зрительном зале Большого театра, куда угодила фашистская бомба. Оставалось доделать последние детали. Реставратор Степан Чураков, впоследствии, в сорок пятом году, один из тех, кто спасал и реставрировал картины Дрезденской галереи, был вызван в Комитет по делам искусств и срочно отправлен в Кустанай: на помощь панораме Рубо. Вслед за ним выехал главный реставратор Третьяковки Евгений Кудрявцев. С великим бережением панораму повезли в Новосибирск, где в помещении оперного театра нашла приют эвакуированная Третьяковская галерея. По распоряжению директора галереи А. И. Замощкина для панорамы было подготовлено помещение. Стали распаковывать тюки. Иные куски панорамы были просто скручены в рулоны, другие накатаны на срубленные ветки. Оказалось: из 1610 квадратных метров живописи моряки спасли 1117. Куски холста хранили следы ожогов — ломкие, обуглившиеся края. Живопись во многих местах была замазана сажей и грязью. В пути из Севастополя в Новороссийск тюки, в которых находились фрагменты панорамы, промокли — от этого холст покоребился, стал жестким. Реставраторы укрепили красочный слой. После консервации все восемьдесят шесть кусков панорамы накатали на деревянные валы. Они хранились рядом с валами, на которые были накатаны картины Сурикова, «Явление Христа народу» Иванова, «Над вечным покоем» Левитана.

Осенью сорок четвертого Третьяковке пришло время возвращаться в Москву, и вместе с ней отправилась панорама Рубо. Что дальше с ней делать, как дать ей жизнь? Совещание авторитетнейших специалистов пришло к мнению самому неутешительному: восстановить панораму из сохранившихся фрагментов нельзя, на основе этих фрагментов писать панораму для Севастополя заново.

Не будем излагать все этапы и сложности многотрудной работы по воссозданию панорамы — это предмет особого, профессионального разговора, но только скажем:

эта работа явилась беспримерной в мировой художественной практике и по своему благородству, самоотверженности, духовному подъему продолжила подвиг севастопольских моряков. Все вместе сошлось в эпопею спасения, воссоздания драгоценной реликвии отечественной истории, и будь славен в этой эпопее «голубой крейсер» — лидер «Ташкент» и его последний огненный рейс через черноморские воды!

Когда в середине пятидесятых годов здание панорамы было восстановлено и в ней разместились заново написанное полотно, заменившее творение Рубо, трудно оказалось представить, что войной были уничтожены вот это самое здание и прежняя панорама и что теперь они живут второй своей жизнью. Впрочем, ведь это судьба и самого Севастополя: за свою не такую уж долгую историю город дважды был уничтожен и дважды родился вновь.

Было трудно поверить, что коллектив художников, который возглавлял сначала Василий Яковлев, а после его кончины Павел Соколов-Скаля, достойнейшие мастера в советском искусстве, не просто реставрировали, нет, но заново написали холст грандиозный, стократ многотрудный в воспроизведении оригинала. Но и то сказать, разве было бы возможно повторить панораму, если бы фрагменты живописи Рубо не вынесли из огня матросы, не спас от пикировщиков лидер «Ташкент»?

Нынче нет и мысли, что великое творение Рубо живет по второму разу. Но и более того, кому выпало на долю побывать в Севастополе, взойти на смотровую площадку панорамы, вобрать в себя ее пространство, движение войск, стрельбу батарей, весь быт великого множества людей на войне, который, собственно, и есть война, — кому выпало увидеть все это в живописи, на холсте, того безоговорочно покорит возрожденная панорама. Вспомним: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — это правда». Так написал Лев Толстой в своих «Севастопольских рассказах». Вот и в панораме — никаких ложных выдумок, все — правда. Все — так, как было. Как дорого сегодня это живое соприкосновение с историей! Ведь у всех у нас обострен интерес к истории — не только ближней, но и дальней: какая была она, Россия, на своих путях-дорогах и во дни мира, и на огненных рубежах? Какой была, когда в очередной раз чужеземный пришелец испытывал ее на разлом и в очередной раз русский человек, солдат, матрос, не давали в обиду Россию?.. Вот почему, как иной древний город начинается с храма, так город русской чести Севастополь начинается с панорамы.

С панорамы, которую сберегли моряки.